



ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ



Центр междисциплинарных
исследований человеческого
потенциала

Образование в контексте демографического прогнозирования населения России

Научный дайджест № 7 (36) • 2024



Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образование.

Центр реализует 80 научных проектов. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:



социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала



нейрокогнитивные механизмы социального поведения



демографические и социальные факторы активного долголетия



природно-климатические детерминанты устойчивого развития



занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций



человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире



человек в эпоху технологических трансформаций

Научный дайджест подготовлен в рамках проекта «Инструменты формирования научно обоснованной пространственной политики на внутриврегиональном уровне на основе детализированных пространственных данных».

Руководитель проекта «Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП»: О. В. Ворон
Авторы: В.В. Устюжанин, В.Н. Архангельский, И.А. Ефремов, Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев
Редактор: А.Д. Васильева

Введение

Демографическая ситуация оказывает непосредственное влияние как на развитие экономики в целом, так и на отдельные рынки товаров и услуг. Демографические проекции России показывают, что с высокой вероятностью нас ожидает сокращение численности населения в трудоспособных возрастах. Люди в трудоспособном возрасте – это больше, чем просто участники рынка труда. У них есть приобретенный уровень образования, опыт работы, квалификация – качества, которые наряду с состоянием здоровья составляют человеческий капитал. Таким образом, динамика человеческого капитала определяется двумя основными компонентами: количественной, зависящей от изменения численности населения, и качественной, зависящей от изменения образования, опыта работы, квалификации и здоровья.

Оба компонента взаимодействуют, совместно определяя динамику человеческого капитала. Количественная динамика человеческого капитала определяется изменением численности населения, то есть рождаемостью, смертностью и миграцией, поэтому ее оценка требует применения демографических методов и моделей. Демографический анализ динамики человеческого капитала проливает свет на базовые демографические характеристики, такие как численность рабочей силы, возраст и гендерный состав населения, а также его распределение по основным регионам. Понимание всего комплекса проблем, связанных с человеческим капиталом, достигается путем изучения его качественных аспектов и их взаимодействия с количественными изменениями.

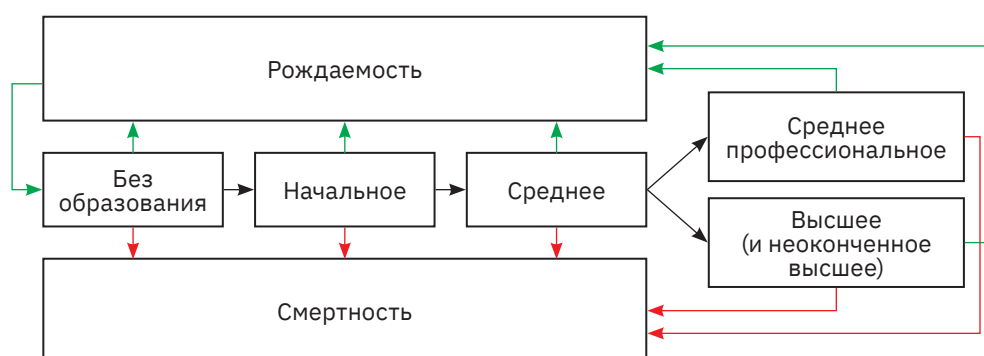
Однако соединение динамики населения и человеческого капитала невозможно в рамках классических прогнозов населения, которые делаются почти всеми статистическими ведомствами (ООН, Росстат и другие) и предполагают, как правило, деление населения только по полу и возрасту. С одной стороны, такое упрощение позволяет сократить расходы на сбор данных и в то же время получать адекватные оценки численности населения, но с другой – сильно сужает возможность применения и интерпретации прогноза, а также, конечно, вносит в него ошибку. Для преодоления этого ограничения можно использовать мультистатусные демографические прогнозы, которые предполагают деление населения на некоторые важные для прогноза «статусы», то есть характеристики различных групп населения. Примером статуса могут являться такие характеристики, как возраст, семейное положение, место жительства или, например, уровень образования.

Мультистатусный подход в прогнозировании

Как будет показано в следующих разделах этого дайджеста, уровень образования является важным фактором, обуславливающим демографическое поведение населения (рождаемость и смертность). Более того, добавление в демографические проекции образования способно сильно повысить точность прогноза, а также помочь ответить не только на демографические, но и на социально-экономические вопросы о будущем¹.

На рисунке 1 представлена упрощенная схема работы мультистатусной модели, где в качестве статусов выступает уровень образования. При этом важно отметить, что образовательная модель представляет собой строгую иерархическую модель², где переходы между статусами однонаправленные, то есть невозможно перейти из более высокого в более низкий статус (например, человек, имеющий высшее образование, не может вернуться «обратно» в то состояние, где он имел, скажем, только начальное образование). Тогда схему движения населения можно представить следующим образом: при рождении человек попадает в группу без образования, далее он с некоторой вероятностью, зависящей только от его возраста и текущего образования, может перейти в следующую группу вплоть до высшего образования. При этом есть одно абсорбирующее состояние – смерть, из которого нельзя перейти ни в одно другое состояние. Мы предполагаем, что сила перехода (*transition force*) из каждого образовательного статуса в абсорбирующее состояние разная и зависит только от возраста и статуса. Другими словами, вероятность не дожить до следующего года у человека в возрасте 30 лет с высшим образованием отличается от человека того же возраста, но имеющего только начальное образование. Конечно, в рамках модели предполагается разделение населения не только по уровню образования и возрасту, но и по полу.

Рисунок 1
Упрощенная схема работы мультистатусной модели



¹ Lutz W., Goujon A., Doblhammer-Reiter G. Demographic dimensions in forecasting: Adding education to age and sex //Population and Development Review. 1998. Vol. 24. Pp. 42–58.

² Schoen R. Hierarchical multistate models from population data: An application to parity statuses //PeerJ. 2016. Vol. 4. Pp. 25–35.

Смертность и образование

Двадцатый век и первые десятилетия XXI столетия ознаменовались беспрецедентным в истории человечества ростом ожидаемой продолжительности жизни населения. Факторы этого роста в целом и фактор повышения охвата населения образованием и роста длительности образования в частности привлекли значительное внимание исследователей – преимущественно это внимание фокусировалось на развитых странах, но также в ряде случаев и развивающихся государствах. Россию и постсоциалистические страны в этом контексте следует рассматривать особенно в силу очень своеобразной динамики ОПЖ в период после распада СССР. В советский период связь между образованием и смертностью среди населения Союза уже была выражена достаточно ярко – так, повышение смертности в 1965–1979 гг. наблюдалось в основном среди работников, занятых физическим трудом, в основном имевших более низкий уровень образования, чем работники умственного труда³. Другое исследование, рассматривавшее эту связь в период между переписями 1979 и 1989 гг., установило особенно сильное влияние образования на различия в смертности от несчастных случаев и насилия – и у мужчин, и у женщин с начальным или базовым средним образованием смертность от этих причин более, чем вдвое превышала аналогичные показатели для лиц с более высокими уровнями образования. Еще более заметным был разрыв между людьми с высоким и низким уровнями образования по показателям смертности от причин, связанным с алкоголем⁴.

В постсоветский период во многих страны Центральной и Восточной Европы, ранее относившихся к социалистическому лагерю, не просто снизилась ОПЖ, но снижение происходило в диспропорционально высокой степени за счет групп населения с более низким образованием; зачастую заметно вырос разрыв между показателями ОПЖ для групп населения с разными уровнями образования^{5, 6}. В России наблюдалась особо драматическая ситуация: если в 1980 г. ОПЖ мужчин с университетским образованием в возрасте 20 лет превосходила таковую у мужчин того же возраста, имеющих лишь начальное образование, всего на три года, то к 2001 г. этот разрыв увеличился до 11 лет⁷. В особенно уязвимом положении оказались именно мужчины с низким уровнем образования; в возрастной группе 20–39 лет они страдали от чрезвычайно высокой насильственной смертности, а в группе 40–59 лет – от очень высокой смертности от сердечно-сосудистых заболеваний⁸. Разрыв по показателю ОПЖ между низкообразованными и высокообразованными группами населения достаточно ярко выражен в России

³ Andreev E., Hoffmann R., Carlson E., Shkolnikov V., Kharkova T. L. Concentration of working-age male mortality among manual workers in urban Latvia and Russia, 1970–1989 // *European societies*. 2009. Vol. 11, No 1. Pp. 161–185.

⁴ Shkolnikov V. M., Leon D. A., Adamets S., Andreev E., Deev A. Educational level and adult mortality in Russia: an analysis of routine data 1979 to 1994 // *Social Science & Medicine*. 1998. Vol. 47, No 3. Pp. 357–369.

⁵ Leinsalu M., I. Stirbu, D. Vâgerö, R. Kalédiené, K. Kovács, B. Wojtyniak, W. Wroblewska, J.P. Mackenbach, A.E. Kunst. Educational inequalities in mortality in four Eastern European countries: divergence in trends during the post-communist transition from 1990 to 2000 // *International Journal of Epidemiology*. 2008. Vol. 38, No 2. Pp. 512–525.

⁶ Shkolnikov V. M., Andreev E. M., Jasilionis D., Leinsalu M., Antonova O.I., McKee M. The changing relation between education and life expectancy in central and eastern Europe in the 1990s // *Journal of Epidemiology & Community Health*. 2006. Vol. 60, No 10. Pp. 875–881.

⁷ Murphy M., Bobak M., Nicholson A., Rose R., Marmot M. The widening gap in mortality by educational level in the Russian Federation, 1980–2001 // *American Journal of Public Health*. 2006. Vol. 96, No 7. Pp. 1293–1299.

⁸ Shkolnikov V. M., Leon D. A., Adamets S., Andreev E., Deev A. Educational level and adult mortality in Russia: an analysis of routine data 1979 to 1994 // *Social Science & Medicine*. 1998. Vol. 47, No 3. Pp. 357–369.

и по сей день. В частности, одно из недавних исследований населения показало, что дополнительный год образования примерно на 5% снижает риск смертности от сердечно-сосудистых заболеваний⁹. Исследование населения России, Беларуси и Венгрии в возрасте 20–65 лет показало, что в 2013–2014 годах у представителей групп с более низким уровнем образования вероятность смерти была значительно выше в большинстве периодов времени. Употребление алкоголя и курение во все большей степени способствовали образовательному неравенству в смертности в этот период¹⁰. Расчеты, выполненные на данных лонгитюдного обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ для периода с 1994 по 2015 гг., показали, что ОПЖ в возрасте 50 лет для мужчин с высоким образовательным статусом на три года больше, чем для мужчин с низким образовательным статусом. Для женщин с высоким образовательным статусом ОПЖ в возрасте 50 лет на 4,4 года превышает ОПЖ женщин с низким образовательным статусом.

Подобная ситуация наблюдается практически во всех развитых государствах – так, в США общая ОПЖ в возрасте 25 лет примерно на десятилетие короче для людей, не имеющих высшего образования, по сравнению с теми, кто закончил колледж¹¹. Оценки показывают, что дополнительный год обучения снижает вероятность смерти в следующие 10 лет, по крайней мере, на 3,6 процентных пункта¹². Среди мужчин риск смерти для лиц с начальным и средним образованием на 8% и 12% соответственно ниже, чем для лиц без образования (в основном за счет различий в поведении относительно здоровья)¹³. Несмотря на значительные средства, направляемые группам с низким социально-экономическим статусом, образовательный разрыв в ОПЖ среди американцев увеличивается, главным образом из-за растущих различий среди пожилых людей с разным уровнем образования. Почти все недавние увеличения ОПЖ в возрасте 25 лет произошли среди более образованных групп, что привело к увеличению образовательной разницы в ОПЖ на 30 процентов, при этом различные тенденции в заболеваниях, связанных с курением, объясняют по меньшей мере 20 процентов этой тенденции¹⁴. С 1998 по 2015 год смертность выросла среди тех, кто не имеет высшего образования, и снизилась среди тех, кто имеет высшее образование. Это справедливо для белых мужчин и женщин неиспаноязычного происхождения во всех пятилетних возрастных группах от 35–39 до 55–59 лет¹⁵. Более того, образование различным образом влияло на показатели смертности у мужчин и женщин – в начале 21 века изменения смертности по квартилям образования показали монотонное улучшение среди женщин; напротив, среди мужчин тенденции в трех нижних квартилях образования часто были схожими¹⁶.

⁹ Todd M. A., Shkolnikov V. M., Goldman N. Why are well-educated Muscovites more likely to survive? Understanding the biological pathways // *Social Science & Medicine*. 2016. Vol. 157. Pp. 138–147.

¹⁰ Doniec K., Stefler D., Murphy M., Gugushvili A., McKee M., Marmot M., ... King, L. (2019). Education and mortality in three Eastern European populations: findings from the PrivMort retrospective cohort study // *European journal of public health*. 2019. Vol. 29, No 3. Pp. 549–554.

¹¹ National Center for Health Statistics. *Health, United States, 2011: With Special Feature on Socioeconomic Status and Health*. Hyattsville, MD: 2012.

¹² Lleras-Muney A. The relationship between education and adult mortality in the United States // *The Review of Economic Studies*. 2005. Vol. 72. No 1. Pp. 189–221.

¹³ Luo Y., Zhang Z., Gu D. Education and mortality among older adults in China // *Social Science & Medicine*. 2015. Vol. 127. Pp. 134–142.

¹⁴ Meara E. R., Richards S., Cutler D. M. The gap gets bigger: changes in mortality and life expectancy, by education, 1981–2000 // *Health affairs*. 2008. Vol. 27. No 2. Pp. 350–360.

¹⁵ Case A., Deaton A. Mortality and morbidity in the 21st century // *Brookings papers on economic activity*. 2017. Spring. Pp. 397–476.

¹⁶ Leiva A. A., Ruhm C. J. Has mortality risen disproportionately for the least educated? // *Journal of Health Economics*. 2021. Vol. 79. P. 102494.

Данные по 26 странам ОЭСР за 1995–2015 годы подтвердили, что взрослые люди с более высоким уровнем образования имеют лучшее здоровье и более высокую продолжительность жизни по сравнению с их менее образованными сверстниками. Кроме того, экономике необходимо учитывать потенциальные потерянные годы жизни (преждевременную смертность) как меру качества здоровья¹⁷.

Что касается скандинавских стран, занимающих лидирующие позиции в мировых рейтингах государств по показателю ОПЖ, в Финляндии, Норвегии и Швеции за период с 1971 по 2000 год снижение смертности зачастую было больше для людей с высоким уровнем образования, чем для людей со средним и низким уровнем образования. Как относительная, так и абсолютная разница в смертности имеет тенденцию увеличиваться с течением времени¹⁸.

В Китае риск смертности для «молодых пожилых» мужчин с начальным и средним образованием оказывается на 20% и 22% соответственно ниже, чем для мужчин без образования в этой возрастной группе; для «пожилых пожилых» эти риски оказываются на 6% и 9% соответственно ниже, чем для «пожилых пожилых» без образования, при этом также показано, что образование влияет в основном через различия в поведении относительно здоровья¹⁹.

Заслуживает внимания исследование связанных с образованием различий в смертности среди взрослого населения в странах со средним уровнем дохода, с использованием гармонизированных лонгитюдных данных о взрослых в возрасте 50+ из Китая, Коста-Рики, Индонезии, Мексики, Южной Африки и Южной Кореи. Используя модели пропорциональных рисков Кокса, его авторы показали, что только население с высшим образованием имеет постоянное преимущество в виде более низкой смертности по сравнению с теми, кто не имеет школьного образования. Для исследованных стран не было найдено доказательств того, что люди с начальным образованием имеют меньший риск смертности по сравнению с лицами, не имеющими школьного образования; преимущество в смертности у лиц со средним образованием было неоднозначно²⁰.

¹⁷ Raghupathi V., Raghupathi W. The influence of education on health: an empirical assessment of OECD countries for the period 1995–2015 // *Archives of Public Health*. 2020. Vol. 78. №. 1. Pp. 1–18.

¹⁸ Shkolnikov V. M., Andreev E. M., Jdanov D. A., Jasilionis D., Kravdal Ø., Vågerö D., Valkonen T. (2012). Increasing absolute mortality disparities by education in Finland, Norway and Sweden, 1971–2000 // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2012. Vol. 66, No 4. Pp. 372–378.

¹⁹ Luo Y., Zhang Z., Gu D. Education and mortality among older adults in China // *Social Science & Medicine*. 2015. Vol. 127. Pp. 134–142.

²⁰ Sudharsanan N., Zhang Y., Payne C. F., Dow W., Crimmins E. (2020). Education and adult mortality in middle-income countries: Surprising gradients in six nationally-representative longitudinal surveys // *SSM-population health*. 2020. No 12. P. 100649.

Рождаемость и образование

Уровень образования традиционно рассматривается как один из значимых факторов, дифференцирующих показатели рождаемости. Такая дифференциация отмечается по результатам исследований, проведенных в России как на федеральном²¹, так и на региональном уровне²². Из зарубежных исследований можно выделить работы Р. Импицциаторе с коллегами²³, М. Клесменты²⁴ и др. Влияния уровня образования на рождаемость часто анализируется на основе результатов социологических исследований²⁵.

Данные переписи населения позволяют оценить различия в уровне рождаемости в реальных поколениях женщин в зависимости от уровня образования. По данным переписи населения 2020 г., в России практически во всех поколениях женщин наименьшее среднее число рожденных детей наблюдается у женщин, имеющих высшее профессиональное образование и особенно у кадров высшей квалификации.

Отдельно следует сказать о женщинах, имеющих неполное высшее профессиональное образование. Среди тех, кому при переписи населения 2020 г. было 35–39 лет и 40–44 года, среднее число рожденных детей несколько меньше, чем у кадров высшей квалификации и у имеющих высшее образование. Возможно, это обусловлено тем, что часть этих женщин продолжают получать высшее образование и из-за этого откладывают рождение детей. Но в более молодых поколениях у имеющих неполное высшее профессиональное образование среднее число рожденных детей несколько больше, чем у закончивших получение высшего образования. Другой причиной может быть состояние здоровья, которое могло помешать как завершению получения высшего образования, так и рождению детей. Женщины со средним профессиональным образованием по среднему числу рожденных детей ближе к имеющим высшее профессиональное образование, чем к тем, кто имеет среднее общее и более низкий уровень образования.

Почти во всех регионах России у женщин, относящихся к кадрам высшей квалификации и у имеющих высшее (или неполное высшее) профессиональное образование, среднее число рожденных детей меньше по сравнению с имеющими более низкий уровень образования – см. рис. 2. В Москве, наоборот, у женщин с высшим профессиональным образованием среднее число рожденных детей наибольшее по сравнению с имеющими другой уровень образования (см. рис. 3).

²¹ См., например, Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // *Народонаселение*. 2019. №1. С. 21–39.

²² См., например, Чистякова Н.Е. Уровень образования матерей и рождаемость в Санкт-Петербурге // *Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем*. СПб: СПбГУАП, 2020. С. 45–50.

²³ См. Impicciatore, R., Tomatis, F. The nexus between education and fertility in six European countries // *Genus*. 2020. Vol. 76. P. 35; Impicciatore R., Zuanna G. D. The impact of education on fertility in Italy. Changes across cohorts and south–north differences // *Quality & Quantity*. 2017. Vol. 51. Pp. 2293–2317.

²⁴ См. Klesment M. et al. Varying association between education and second births in Europe: Comparative analysis based on the EU-SILC data // *Demographic Research*. 2014. Vol. 31. Pp. 813–860.

²⁵ См., например, Малева Т.М., Тындик А.О. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // *Регион: экономика и социология*. 2014. No 2. Pp. 116–136.

Рисунок 2

Среднее число рожденных детей у женщин с различным уровнем образования в России (на 1 женщину; все население; по данным переписи населения 2020 г.)²⁶

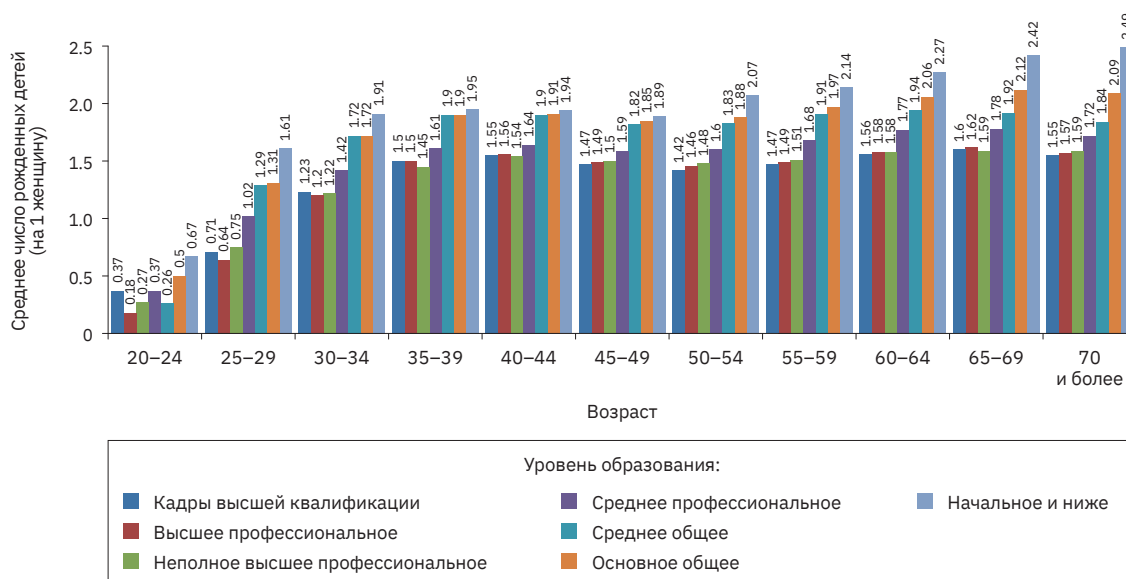
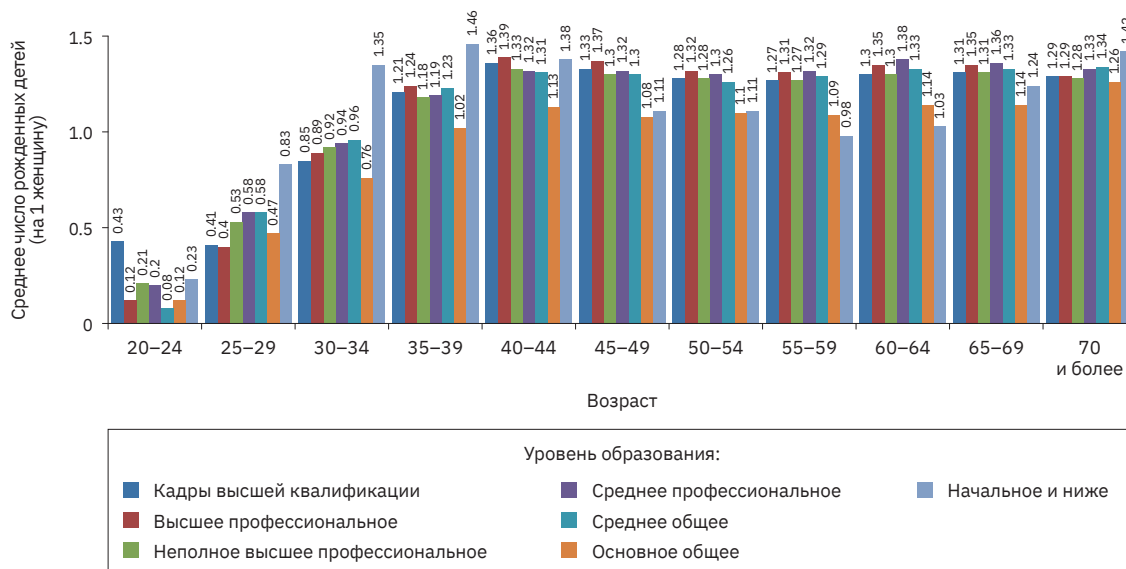


Рисунок 3

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин с разным уровнем образования в Москве (по переписи населения 2020 г.)²⁷



²⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9. Рождаемость. Таблица 5. Среднее число рожденных детей женщинами, проживающими в частных домохозяйствах, имеющими различный уровень образования, по субъектам Российской Федерации.

²⁷ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9. Рождаемость. Таблица 5. Среднее число рожденных детей женщинами, проживающими в частных домохозяйствах, имеющими различный уровень образования, по субъектам Российской Федерации.

Миграция и образование

Влияние образовательного статуса населения на миграционные процессы было замечено давно и до сих пор активно изучается. При этом эти процессы динамичны, их показатели меняются вслед за изменениями в самом обществе, а следовательно и влияние образовательного статуса на миграционное поведение также переменчиво, что требует регулярной актуализации исследований в этой области.

Уже самые первые исследователи миграции уделяли внимание роли образовательного статуса человека в его миграционном поведении. Так, согласно одному из основоположников миграциологии Эверету Ли, люди с относительно более высоким уровнем образования не только имеют большую пространственную мобильность, но также характеризуются большим влиянием на них не выталкивающих, а притягивающих факторов, привлекающих таких людей в новые места проживания²⁸. Особое внимание образовательному статусу уделяется в экономических теориях миграции. Это связано с большой ролью рынка труда и потенциальных заработков мигрантов, которые, в свою очередь, в значительной степени зависят от уровня образования и квалификации мигранта. Предполагается, что связка «образование — заработок» создает более высокие выгоды от потенциальной миграции для более образованных людей²⁹. Майкл Пиоре в исследованиях рынка труда дополнительно обнаруживает, что высокий образовательный уровень является одновременно защитой для его обладателя от высокого риска потери дохода и фактором, увеличивающим привлекательность такого мигранта как работника и усиливающим притягивающие факторы миграции в отношении него³⁰. Материалы исследований современной миграции в большинстве стран показывают, что дальние перемещения совершают более образованные люди³¹. Исследование, проведенное аппаратом Уполномоченного по правам человека в Москве, показало, что, вопреки существующим стереотипам и некоторым устаревшим исследованиям, уровень образования среди временных трудовых мигрантов в России значительно выше, чем таковой в аналогичных возрастных группах населения в странах происхождения мигрантов³².

Население России отличается высоким уровнем образования в целом и очень низкой долей жителей с минимальным уровнем образования (не более начального) в частности. Среди миграционного прироста России, учтенного текущей статистикой, доля людей с низким уровнем образования также очень невелика. Мигранты с основным общим (неполным средним) образованием из-за своей малочисленности не вносят большого вклада в миграционный прирост населения России. В миграционном приросте почти всех возрастных групп от 20 до 74 лет вклад этой группы мигрантов составляет от 5% до 10%, хотя в абсолютных значениях только в возрастах от 20 до 49 лет эту группу

²⁸ Lee Everett. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57.

²⁹ Абылкаликов С. И., Винник М. В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // *Бизнес. Общество. Власть*. 2012. №12. С. 8.

³⁰ Piore M. *Birds of passage. Migrant labour and industrial societies*. New York: Cambridge University Press, 1979.

³¹ Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Дальность миграции населения в России с учетом демографических характеристик мигрантов // *Балтийский регион*. 2023. Т. 15, №2. С. 4–22.

³² Трудовая миграция из Средней Азии в современной Москве: адаптация, легализация, защита прав. Исследование аппарата Уполномоченного по правам человека в городе Москве. 2023. URL: <https://ombudsman.mos.ru/Deyatelnost/Issledovaniya>

можно назвать хотя бы немного заметной. Мигранты с полным средним общим образованием составляют львиную долю миграционного прироста в возрастах 18–19 лет (это, преимущественно, миграция для получения профессионального образования в России) и устойчиво формируют от 10% до 20% миграционного прироста российского населения в возрастных группах от 20 до 49 лет. Таким образом, во всех возрастных группах от 20 лет мигранты, не имеющие профессионального образования, формируют около 20% общероссийского миграционного прироста. Соответственно, квалифицированные мигранты (имеющие любой уровень профессионального образования) во всех возрастах после 20 лет формируют около 80% миграционного прироста. Мигранты с начальным и средним профессиональным образованием формируют 40–45% миграционного прироста в возрастных группах от 20 до 49 лет и 50–55% в возрастах от 50 лет, что логично проистекает из образовательной структуры населения на постсоветском пространстве, которое, в свою очередь, продуцирует подавляющую часть международных миграционных потоков России. Мигранты с высшим (в т.ч. неоконченным) образованием формируют 45% миграционного прироста в группе мигрантов 20-29 лет и 35% с поступательным уменьшением их вклада в миграционный прирост в более старших возрастах (Рис. 4, 5).

В целом образовательная структура миграционного прироста в России незначительно отличается от образовательной структуры самого российского населения. Исходя из этого можно говорить, что миграционный поток в Российскую Федерацию, вопреки существующим стереотипам, не ухудшает образовательную структуру населения и не наносит ущерба человеческому капиталу, зависящему от уровня образования, по крайней мере по формальным показателям.

Расчеты коэффициентов миграционной подвижности проводились для той части мигрантов, которые при миграции заполнили соответствующие пункты листов учета в отношении уровня образования. К сожалению, доля перемещений, для которых были заполнены такие сведения, традиционно невысока для международной миграции (около 20%). Тем не менее, мы экстраполировали полученные при расчетах возрастные коэффициенты миграционной подвижности в зависимости от уровня образования мигрантов на всю совокупность мигрантов, основываясь на выборочных исследованиях и других научных работах, которые показали, что структура уровней образования международных мигрантов в России в целом соответствует той структуре, которую мы выявили среди перемещений мигрантов с заполненными сведениями об уровне образования. В дальнейшем мы перейдем к аналогичным расчетам, но уже на региональном уровне, что потребует объединить в общий пул как внутреннюю, так и международную миграцию, а также для межрегиональной миграции внутри России.

Для надежного прогнозирования образовательной структуры мигрантов в будущем необходимо учитывать динамику образовательного статуса в странах-донорах мигрантов и внутри России (для внутренней миграции). Мы ожидаем, что образовательный статус мигрантов в среднем будет повышаться, а значит, будут меняться и коэффициенты миграционной подвижности, и внутреннее распределение мигрантов, поскольку регионы России сильно отличаются по структуре рабочих мест в экономике и требуемому для них уровню образования.

Рисунок 4

Миграционный прирост взрослого населения России по возрастным группам и уровню образования взрослых мигрантов, 2018–2019 гг., человек

Расчеты РАНХиГС по неопубликованным данным Росстата

(таблицы «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по полу, возрастным группам и уровню образования»)

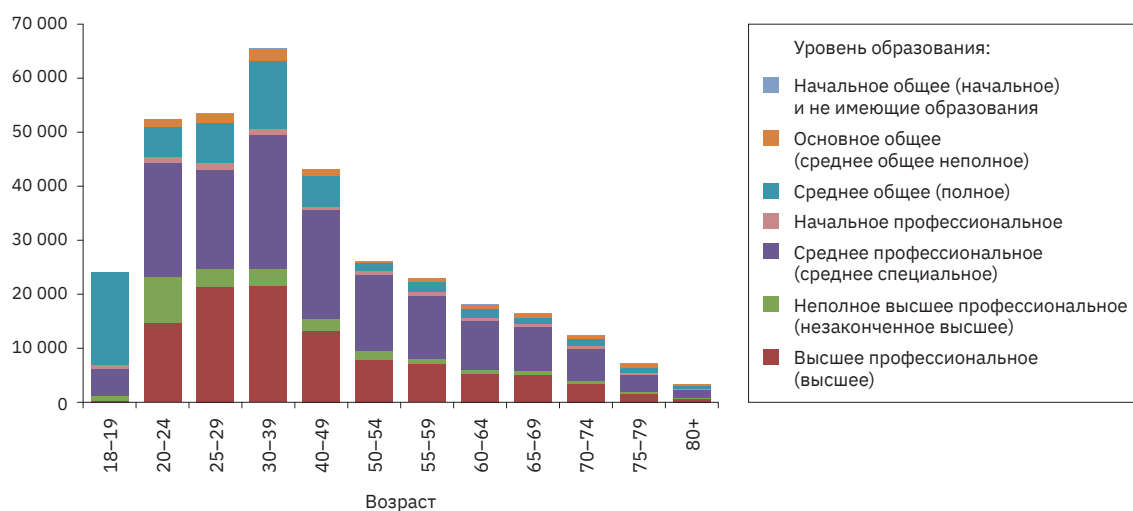
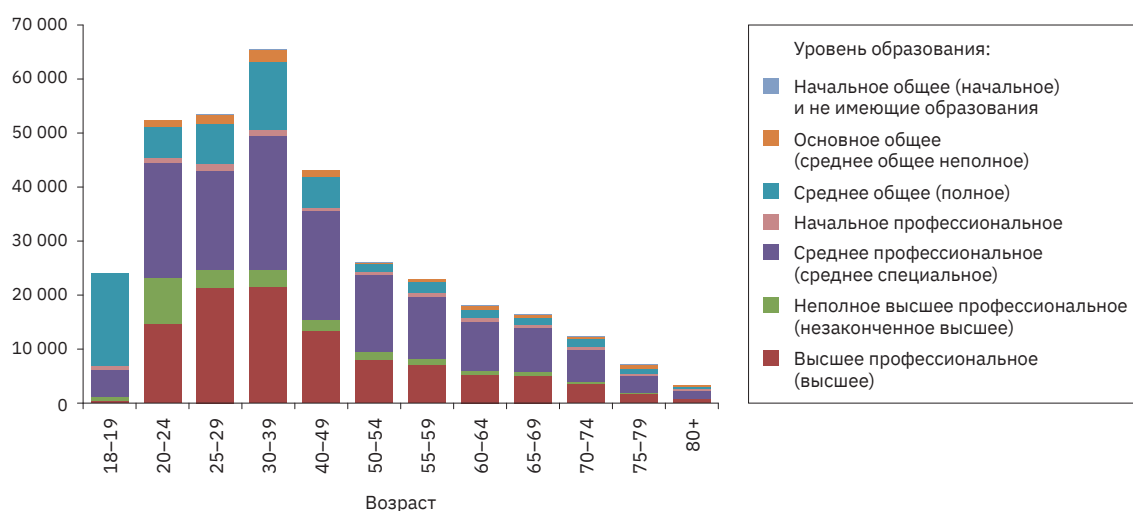


Рисунок 5

Вклад взрослых мигрантов с разным уровнем образования в миграционный прирост взрослого населения России по возрастным группам, 2018–2019 гг., %

Расчеты РАНХиГС по неопубликованным данным Росстата

(таблицы «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по полу, возрастным группам и уровню образования»)



Заключение

В целом, многими авторами было показано, что именно образование является мощным фактором, определяющим неоднородность значений показателей смертности и рождаемости среди населения. Учет фактора образования позволяет существенно уточнить некоторые распространенные представления о демографических показателях и их динамике в современной России. Так, многими исследованиями было показано, что в целом для развитых стран характерно снижение показателей рождаемости по мере повышения уровня образования женщин. Это утверждение преимущественно верно для России, однако в Москве, наоборот, у женщин с высшим профессиональным образованием среднее число рожденных детей наибольшее по сравнению с имеющими другой уровень образования. Может быть, это связано с возможной спецификой Москвы, состоящей в том, что более высокий уровень образования в большей мере, чем в других регионах России прямо связан с возможностью обеспечения лучшего экономического положения. Возможно, имеют место какие-либо другие причины такого соотношения показателей рождаемости у женщин с разным уровнем образования. В любом случае эти данные ставят под сомнение тезис о неизбежности более низкой рождаемости у женщин с высшим образованием.

Применительно к миграции учет образовательных статусов мигрантов позволил выявить, что в целом образовательная структура миграционного прироста в России незначительно отличается от образовательной структуры самого российского населения. Исходя из этого можно говорить, что миграционный поток в Российскую Федерацию, вопреки существующим стереотипам, не ухудшает образовательную структуру населения и не наносит ущерба человеческому капиталу, зависящему от уровня образования, по крайней мере по формальным показателям. Для развития исследований в этом направлении, к сожалению, недостаточно высоки как качество, так и открытость данных о миграции. Почти единственным (за исключением статистики пересечения границы РФ) оператором всех миграционных данных в России является МВД. К сожалению, в его работе в последние годы наблюдается процесс ограничения доступа к данным. В результате, Росстатом разрабатывается в необходимых нам разрезах (по социально-демографическим характеристикам мигрантов) лишь статистика постоянной и долгосрочной миграции, что скрывает от исследований значительную долю мигрантов в России — временных трудовых со сроками пребывания менее 9 месяцев. Для преодоления этих проблем и повышения качества исследований миграции в России необходимо расширить доступ к статистическим данным о миграции (включить в нее краткосрочные перемещения, увеличить подробность и глубину разработки имеющихся социально-демографических характеристик мигрантов). Кроме того, существует острая потребность в улучшении качества (объемов выборок на региональном уровне и в целом репрезентативности и качества всей выборки) существующих выборочных исследований Росстата, изучающих среди прочего миграционную подвижность и характеристики мигрантов.